

Научная статья

УДК 32

EDN: HHPLGF

Статья опубликована на условиях лицензии
Creative Commons Attribution 4.0
International License

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАРРАТИВЫ В ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ МАСС-МЕДИА

Александр Николаевич СУЛИМИН

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина
Саратов, Россия*

Kratos84@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1296-5996>

Аннотация. Актуальность исследования определяется значимостью исторической памяти, выступающей важным культурно-ценностным феноменом в информационно-коммуникативном пространстве общества. Цель статьи – изучение политико-идейного дискурса в отношении исторических нарративов в результате реализации исторической политики Российского государства.

Ключевым методом исследования выступает дискурс-анализ, позволяющий вычленить оценочные суждения по конкретным трактовкам исторического прошлого в современном идейно-политическом дискурсе. Изучается медиаконтент, размещенный в социальных сетях, имеющий, как правило, оценочный характер по отношению к событиям и личностям прошлого.

В результате проведенного исследования, во-первых, выявлены базовые политические дискурсы в отношении российской исторической памяти; во-вторых, определены риск-нарративы, размывающие ценностные основы исторической памяти российского общества в дискурсивных практиках масс-медиа; в-третьих, сформулированы стратегические нарративы, необходимые для сохранения и формирования исторической памяти российского общества в условиях информационных угроз.

Ключевые слова: историческая память, нарратив, масс-медиа, духовно-нравственные ценности, войны памяти.

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Сулимин А.Н. Исторические нарративы в дискурсе современных российских масс-медиа // Вестник Поволжского института управления. 2025. Т. 25, № 5. С. 126–138. EDN: HHPLGF

© Сулимин А.Н., 2025

Original article

This work is licensed under a
Creative Commons Attribution 4.0
International License

HISTORICAL NARRATIVES IN THE DISCOURSE OF MODERN RUSSIAN MASS MEDIA

Aleksandr N. SULIMIN

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin
Saratov, Russia
Kratos84@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1296-5996>*

Abstract. The relevance of the study is determined by the significance of historical memory, which is an important cultural and value phenomenon in the information and communication space of society. The purpose of the article is to study the political and ideological discourse in relation to historical narratives as a result of the implementation of the historical policy of the Russian state.

The main method of the study is discourse analysis, which allows us to identify evaluative judgments on certain interpretations of the historical past in modern ideological and political discourse. The media content posted on social networks is studied, which, as a rule, is of an evaluative nature in relation to the events and personalities of the past.

As a result of the research, firstly, the basic political discourses regarding Russian historical memory were identified; secondly, risk narratives were identified that blur the value foundations of the historical memory of Russian society in the discursive practices of mass media; thirdly, strategic narratives necessary for the preservation and formation of the historical memory of Russian society in the context of information threats were formulated.

Keywords: historical memory, narrative, mass media, spiritual and moral values, memory wars.

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: *Sulimin, A.N.* Historical Narratives in the Discourse of Modern Russian Mass Media // The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration. 2025. Vol. 25, № 5. P. 127–138. EDN: HHPLGF

Введение. В условиях быстрой медиатизации идейно-политического пространства российского общества и государства актуальным представляется рассмотрение в его коммуникативном пространстве дискурсивных практик, связанных с различными трактовками прошлого. Споры, возникающие в отношении исторических личностей, фактов, событий прошлого, сегодня нередко переносятся в глобальное информационное пространство, становясь действенным инструментом политической борьбы. Подобные тенденции способны оказывать влияние на единую концепцию национальной исторической памяти, размывая ее ценностные основы.

Актуальность заявленной тематики определяется также и тем, что историческая память является одной из традиционных духовно-нравственных ценностей. Соответственно, искажение исторической памяти может рассматриваться как попытка нанести ущерб духовно-нравственным основам российского общества.

Историческая память как политический феномен. Историческая память в последние десятилетия воспринимается не как феномен прошлого, а как необходимый конструкт для сопровождения современной политической повестки, направленной на реализацию государственной политики памяти.

В конце XX в. новые психоаналитические и конструктивистские концепции, такие как «социальное воображаемое» Ж. Лакана [1] или «воображаемые сообщества» Б. Андерсона [2] способствовали открытию новых направлений в исследованиях коллективной памяти, в основе которых находились факторы символического воздействия на историческую реальность. То, что раньше рассматривалось как идеология или миф в контексте иррационального сознания, теперь понималось как инструмент политического дискурса. Политика стала рассматриваться в качестве дополнительного инструмента конструирования желательных образов в контексте культурной памяти. Под субъектами исторической политики понимаются не только государственные институты, но и интеллектуальные сообщества, журналисты, общественные деятели, так называемые «символические элиты» [3], формирующие историческую память.

Значимый вклад в понимание исторической памяти в качестве коммуникативно-культурной системы внесла А. Ассман [4; 5]. Ученый рассматривает коллективную (культурную) память как разновидность исторической памяти. В коллективной памяти используется система символов и знаков, которые служат базовой основой для памяти коллективной общности будущих поколений. Коллективная память имеет гораздо больший масштаб поколенческой памяти, так как она способна сохранять память тех поколений, которые уже ушли из жизни.

Как правило, институты, нации, государства «не имеют» памяти, так как она конструируется ими через систему «мемориальных знаков и символов», поэтому коллективная память по своей природе — память политическая. А. Ассман выделяет такие форматы памяти, как биологические (индивидуальная память, социальная память), и символические (политическая память, культурная память), обосновывая необходимость конструирования идентичности со стороны политических структур управления с помощью специальных символов.

А. Ассман в качестве символических опор исторической памяти выделяет память политическую и культурную, отмечая их характерные особенности. Если политическая память стремится унифицировать содержание мнемонических символов, знаков, ритуалов, то культурная память, наоборот, стремится к многообразию воплощения в текстах, образах, артефактах. Культурная память отдает предпочтение индивидуальным особенностям обращения к ней, а политическая память делает своей порой коллективные формы усвоения. Обе памяти обеспечивают «долгосрочность» и «повторяемость» с помощью ритуала, участия и усвоения — специальных перформативных технологий.

Культурная память формируется и сохраняется в обществе после крупных исторических событий — войн, революций, других социальных потрясений, и представляет собой «пространство напряженности между позициями «победителей и побежденных», «жертв и преступников» [6, с. 173].

Исходя из смысла изложенной концепции, в политике всегда используются образы прошлого для конструирования настоящего — так называемой политики памяти, или (в терминологии П. Нора, одного из первых описавших сущность данного термина) «мест памяти». В трактовке ученого память общества не является спонтанным явлением, а представляет собой продукт осмысленного институционального воздействия на материализацию его событий, которые оформляются в памятниках исторического и культурного наследия [7, с. 40]. Подобные символические ритуалы поддерживаются государством и служат важным объектом государственной политики. При этом внимание акцентируется на важности исследования процессов формирования и сохранения коллективной памяти в обществе. Этот подход позволяет сформировать углубленное понимание поведения различных социальных групп в процессе конструирования своего восприятия прошлого и использования его для утверждения собственной идентичности, в том числе с помощью различных нарративов. Концепция «рамки памяти» также помогает объяснить, почему историческая память об одних событиях регулярно поддерживается, а других — предается забвению.

Интерпретации дискурсов исторической памяти в российских политических массмедиа. Рассматривая историческую память как феномен политический, необходимо вычленив в современном политическом дискурсе массмедиа, участвующие в реализации исторической политики, объектом которой выступают нарративы не только прошлого, но и желаемого настоящего:

1. *Либеральные медиа.* В настоящее время многие либеральные СМИ либо запрещены в России, либо подпадают под маркировку иностранных агентов. Либеральный дискурс стал преобладать в общественном сознании, когда горбачевская политика гласности разрушила преграды на распространение внутри страны конкретной информации, ранее запрещенной государством. Создание открытых каналов информации существенно повлияло на трансформацию массового сознания советского общества, в целом некритически заимствовавшего новые для себя исторические нарративы. Впервые после эпохи оттепели произошла переоценка системообразующих основ советского государства и социалистической идеологии. Темы политических репрессий, сталинизма, тоталитаризма стали превалировать в повествованиях о советском прошлом, противопоставляя коммунистический исторический проект идеям западной демократии как более позитивного образа прошлого. Современными социологами признается факт, что перестроечная критика исторического опыта советской государственности привела к инверсии общественного сознания советского общества, сказавшейся на распаде СССР [8]. После краха советской государственности либеральные нарративы направлялись на борьбу с остатками советской идеологии, воспринимавшейся теперь нежизнеспособной. Исследуя причины распада СССР, либералы, как правило, придерживаются нарратива о том, что советская экономика была неэффективна, поэтому процесс ее свертывания был закономерен.

2. *Консервативные медиа.* Консервативная политическая повестка наиболее широко представлена провластными и оловластными информационными ресурсами (телеканал «Спас», интернет-телеканал «Царьград ТВ», информационный канал «Соловьёв.Live», телеканал «Звезда», российское интернет-издание «Взгляд.ру», газета «Завтра», интернет канал «День ТВ» и т.д.). Большинство перечисленных ресурсов выступают с национально-патриотических, правых позиций, сопровождая современную внутреннюю и внешнюю политику Кремля. Тем не менее у апологетов охранительства присутствует разное отношение к трактовкам отдельных явлений исторического прошлого, а сам консерватизм распадается на правый и левый политический спектр. Обращает на себя внимание и то, что к консервативной среде

примыкают многие известные блогеры — журналисты, ученые, общественные деятели с десятками тысяч подписчиков на социальных платформах (например, Юрий Подоляка, Олег Царев, Александр Артамонов и др.).

3. *Социалистические медиа*. Левый информационный сегмент представлен большим количеством медиаресурсов политических партий, социальных движений, блогеров и общественных деятелей. Так, общественно-политический телеканал КПРФ «Красная Линия» акцентирует внимание на исторически сложившемся образе советского прошлого, рассматривая его через призму различных событий и культурных явлений. Советский период, как правило, предстает в контексте исторических программ, культуры и искусства, истории известных личностей. При этом левые информационные ресурсы, часто отвергая комплиментарные позиции, противопоставляют современную Россию советскому прошлому, что лишает их активной поддержки действующей российской политической власти. Ключевые проблемы современной левой идеи заключаются в отсутствии единой концептуальной историософской основы, поскольку среди ее апологетов имеются расхождения по конкретным трактовкам советского прошлого. Тем не менее ее лидеры — известные писатели, ученые, общественные деятели, журналисты (Захар Прилепин, Егор Яковлев («Цифровая история»), Александр Дюков, Дмитрий Пучков и др.), размещая исторический контент на своих каналах в социальных сетях и видеохостингах, пользуются поддержкой большого количества подписчиков.

Технологии создания образа Ленина в современных медиа как попытка политизации истории. В июне 2025 г. журналист телеканала «Спас» А. Афанасьев представил фильм «Мумия», который рассматривая феномен Мавзолея, делает попытку оценить В.И. Ленина в качестве исторической личности.

Фильм вызвал острую дискуссию на образовательных, политических, общественных площадках социальных сетей и попал под резкую критику со стороны социалистических медиа (ученых, публицистов, представителей церкви), обративших внимание на ряд исторических ошибок и логических противоречий.

Основная концепция фильма основана на следующих тезисах:

1. Мавзолей В.И. Ленина — это зиккурат, созданный большевиками на Красной площади для того, чтобы «тянуть силы из матушки-России».
2. Мавзолей построен архитекторами — участниками масонской ложи.
3. В.И. Ленин являлся масоном, отвергающим все русское.

4. Проводятся параллели между древним вавилонским демоном Виллом и Лениным, а его тело сравнивается с терафимом — культовым объектом, используемым для оккультных нужд.

Режиссеры фильма «Мумия» превратили памятник культуры в объект политизации истории, в котором историософский анализ значительно уступает конспирологическим теориям. Делается вывод, что смысл фильма носит конкретную политическую установку: тело Ленина необходимо перезахоронить, а официальный государственный статус Мавзолея должен быть изменен [9].

Создатели фильма использовали информационно-коммуникативную технологию сторителлинга, которая основывается на создании «мифологических» историй и нарративов, позволяющих упрощать реальность [10]. Создатели подобных мифов формируют исторические нарративы, приспособляя к ним трактовку реальных фактов с целью создания эмоционального отклика потребителя информации.

В процессе политизации исторического процесса широко используются «блуждающие сюжеты» — архитипические образы и иррациональные механизмы манипуляции общественным мнением. Еще в период перестройки было создано множество «блуждающих сюжетов», направленных на дискредитацию лидеров большевиков. Например, такие мифы, как финансовое состояние Ленина, его дворянское происхождение, возвращение в Россию в plombированном вагоне широко использовались в пропаганде антикоммунизма в конце XX столетия. Подобные нарративы, как правило, не имели рационального осмысления исторических событий и политической реальности, а служили механизмом инкорпорации в общественное сознание стереотипов с целью трансформации коллективной памяти. Данные нарративы основывались на распространенных в политическом дискурсе лексемах с отрицательной коннотацией — «репрессии», «тоталитаризм», «авторитаризм» и т.п. [11].

В фильме «Мумия» прослеживается попытка создать негативный медиаобраз В.И. Ленина за счет дискурсивных практик конструирования «Другого», используя отрицательно-оценочную семантику. При этом создается стереотип русофоба и агента иностранного влияния для его укоренения в массовом сознании.

Споры вокруг личности В.И. Ленина, инициированные сначала либеральными СМИ, а затем и консервативными медиа, свидетельствуют не только об отсутствии внутри общества консенсуса по поводу ключевых фигур отечественной истории, но и обнажают определенный ценностный раскол в российском обществе. Несмотря на то что интеллектуальное наследие В.И. Ленина не вписывается в параметры

современной модели социально-экономического развития, оно достаточно полно отражает новый вектор российской внешней политики. В противостоянии с Западом Россию поддерживают страны, воспринимающие идеи ленинизма, что усиливает актуальность исторической фигуры В.И. Ленина. В подобном контексте формирующиеся контуры многополярного мира также включают в себя идеи ленинизма, особенно касающиеся освобождения стран и народов от вмешательства западных стран.

По вопросу захоронения тела В.И. Ленина высказался Президент РФ, отметив, что «...особенно сегодня в России, мы не должны предпринимать ни одного шага, который раскалывал бы наше общество» [12].

Секьюритизация исторической памяти в информационном пространстве российского общества. Необходимость обращения к защите исторической правды особенно актуально в связи с тем, что на Западе в последние десятилетия создаются такие антироссийские нарративы, как «деколонизация», «декоммунизация», «тоталитаризм», «уравнение ответственности нацистской Германии и Советского Союза за развязывание Второй мировой войны». На уровне Европейского парламента проводится кампания по переосмыслению итогов Второй мировой войны, в результате была принята декларация, согласно которой день 23 августа года объявлен Европейским днем памяти жертв сталинизма и нацизма. Декларация своеобразно истолковала смысл заключения так называемого пакта Молотова — Риббентропа, который, по мнению европейцев, позволил Сталину и Гитлеру разделить сферы влияния в Европе, развязав Вторую мировую войну [13, с. 35].

Создание на Западе метанарратива «СССР — агрессор» направлено на дискредитацию Советского государства как страны, победившей во Второй мировой войне с целью демонтажа послевоенной системы международных отношений. Создаются новые нарративы, конструирующие мифологию Второй мировой войны: «Америка и Великобритания — главные победители, а не СССР», «украинцы внесли существенный вклад в победу над фашизмом», «Украина — жертва советско-германской войны» и т.д.

Обозначим основные причины фальсификации истории Второй мировой войны, фигурирующие в научной литературе:

- пересмотр послевоенных границ и территорий (Калининградская область, Южные Курилы, российско-финляндская граница);
- оправдание или исключение из исторической памяти военных преступлений и зверств на территории СССР европейских сателлитов гитлеровской Германии;

— снижение имиджа современной России и приведение ее к международной изоляции [14, с. 77; 15].

С позиции норм международного права события, происходившие на оккупированных территориях СССР в годы Великой Отечественной войны, можно рассматривать в качестве актов геноцида. Однако после войны официальные судебные процессы, направленные на установление и наказание виновных за геноцид советского народа не проводились. (В советский период тема участия в преступлениях против советского народа в годы Великой Отечественной войны союзников, входящих в социалистический лагерь, была отчасти табуирована). В настоящее время в российском правовом и медиапространстве уделяется больше внимания рассмотрению преступлений немецко-фашистских захватчиков и их европейских пособников против советского народа с точки зрения практики геноцида — например, документальный фильм «Европа против России. Крестоносцы Гитлера» [16].

Информирование широкой мировой общественности о результатах судебных процессов, осуждающих геноцид советского народа, проводившихся в ряде российских регионов, важны с точки зрения отстаивания исторической правды о причинах начала Второй мировой войны, о том, кого считать агрессором, а кого — жертвой.

Обратим внимание, что некоторыми учеными понятие «геноцид» трактуется шире общепризнанных норм международного и российского законодательства. По мнению К.А. Красновой и М.А. Волковой, «полное или частичное уничтожение расовой, этнической или иной группы людей может производиться не только физически, но и идеологически, путем искоренения национального самосознания, культурно-исторических национальных обычаев, языка» [17, с. 100]. При этом речь может идти о культурном геноциде как способе уничтожения традиционной исторической памяти, в том числе с помощью информационных средств политической борьбы.

Антисоветские и антироссийские нарративы политики стали предвестниками и украинского кризиса, так как подготовили почву для переформатирования массового сознания и культурного геноцида украинского общества (например, «голодомор украинцев» в 1932—1933 гг.; борьба за независимость с большевизмом и т.д.). С 2014 г. начали активно создаваться исторические и политические мифы, демонизирующие Россию, прославляющие новых украинских героев, многие из которых были приверженцами идеологии радикального национализма. Результат таких действий привел к массовому сносу памятников Ленина («ленинопад») и уничтожению объектов «мест памяти» русского культурного пространства («пушкинопад») [18].

В начале 2020-х годов в российской исторической политике под воздействием внешних вызовов сложился запрос на создание единого исторического пространства российской государственности, а не на разрыв с отдельными фрагментами прошлого. Историческая память на официальном государственном уровне стала рассматриваться как важнейшая духовная ценность, позволяющая сохранять и укреплять идентичность народов России.

Вопросы защиты исторической памяти российского общества были вынесены в обновленную Конституцию РФ, дополненную ст. 67.1, и новую Стратегию национальной безопасности [19; 20]. Конституция РФ обязывала государство чтить память защитников Отечества, обеспечивая защиту исторической правды. В ст. 88 Стратегии указывается, что «участились попытки фальсификации российской и мировой истории, искажения исторической правды и уничтожения исторической памяти, разжигания межнациональных и межконфессиональных конфликтов, ослабления государствообразующего народа». Важной стратегической задачей, обозначенной в документе, становится «защита исторической правды, сохранение исторической памяти, преемственности в развитии Российского государства и его исторически сложившегося единства, противодействие фальсификации истории» [21].

На государственном уровне в Российской Федерации реализуется мемориальная политика по использованию символов, ритуалов и церемоний для репрезентации традиционных ценностей в коммеморативных практиках. Речь прежде всего идет о различных церемониях и ритуалах, связанных с памятью о Великой Отечественной войне.

В 2024 г. были приняты Основы государственной политики в области исторического просвещения, где особое значение уделяется защите исторической правды и противодействию фальсификации истории с помощью медиатехнологий [22]. Одной из задач реальной политики является формирование государственного заказа «на разработку и публикацию научно-популярных материалов, создание произведений литературы (в том числе детской) и искусства, кинематографической, театральной, телевизионной продукции, видеопроизведений и интернет-продукции». Согласно принятому документу, разработка такой продукции должна опираться «на научные знания и фундаментальные научные исследования, традиционные российские духовно-нравственные и культурно-исторические ценности» и «преемственность всех этапов российской истории».

Подобный подход позволяет рационализировать исторические знания и нарративы, создавать умную историю, обосновывающую значи-

мое место России в мировой цивилизации на основании применения сравнительного культурно-исторического метода с другими странами и народами. Цивилизационный подход при анализе исторического пути развития российской государственности позволяет избежать идеологизированности при трактовке различных исторических событий и личностей.

Заключение. Таким образом, исторические нарративы в медиапространстве могут конструироваться различными акторами на основе политических мифов, стереотипов для подготовки массового сознания к определенным изменениям. Историческое сознание является важной составляющей национальной идентичности общества, поэтому для него крайне важны стратегические метанарративы, способствующие единству многонационального народа. Такие метанарративы создаются институтами социализации в системе образования, через информационные площадки, реализующие функцию исторического просвещения граждан. В условиях информационных войн крайне важно избегать попыток фальсификации истории в рамках идейно-политического дискурса, способных размывать стратегические нарративы российского общества (преимущество всех этапов российской истории, цивилизационный характер государственности и т.д.). В плане изучения отечественной истории позиционирование и оценка исторических событий и личностей в медиапространстве вне принципа историзма, как правило, приводят к упрощению исторической истины, разрушая рациональные основания политического мышления.

События на Украине доказали, к чему может привести разрушение исторической памяти народа с помощью механизмов фальсификации его прошлого, исторической и политической мифологизации, иррационализации общественного сознания, внедрения в него мистических представлений. Российскому государству в условиях развязанных против него войн памяти, с использованием технологий культурного геноцида многих народов, проживающих на постсоветском пространстве, крайне важно выработать устойчивые стратегические нарративы в медиапространстве. Российскому обществу еще предстоит переосмыслить историческое прошлое с помощью идеологических, концептуальных инструментов, понять проблемные аспекты его эволюции во второй половине XX — начале XXI в. в контексте культурно-ценностной трансформации и выбора между общественным и индивидуальным началами. Осмысление жизненно важных и исторически обусловленных ценностных основ российской государственности и их включение в общественное сознание возможно посредством системного применения информационно-коммуникативных технологий.

Список источников

1. *Lacan J.* Ecrits: A Selection. L.: Routledge, 2001. P. VIII–XI.
2. *Anderson B.* Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London; New York: Verso, 2006. 256 p.
3. *Бурдые П.* О символической власти // Социология социального пространства. М.; СПб.: Алетейя, 2007. С. 87–96.
4. *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
5. *Ассман А.* Забвение истории – одержимость историей. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 552 с.
6. *Сидоренко И.Н.* Диалектическая взаимосвязь исторической памяти и забвения в концепциях Ф.Р. Анкерсмита И.А. Ассман // Труды БГТУ. Сер. 6. 2023. № 1. С. 170–175.
7. *Нора П.* Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция – память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок; пер. с франц. Д. Хапаевой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 17–50.
8. *Кара-Мурза С.Г.* Манипуляция сознанием. М.: Родина, 2024. 432 с.
9. *Назаров А.* Фильм «Мумия» – очередная попытка расколоть общество. Кому и зачем это надо? URL: <https://www.nakanune.ru/articles/123647/>
10. *Шатинская Е.Н.* Сторителлинг в нарратологии цифровой эпохи // Культурный код. 2022. № 1. С. 53–63. DOI: 10.36945/2658-3852-2022-1-53-63. EDN: DSCVLV
11. *Агнестикова О.И.* Отражение стратегического нарратива противостояния в негосударственных онлайн-медиа // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 166–171. DOI: 10.18500/1817-7115-2023-23-2-166-171. EDN: GSRVPL
12. Путин по теме захоронения тела Ленина призвал не совершать шаги, раскалывающие общество. URL: <https://www.interfax.ru/russia/999617>
13. *Рязанов А.А.* Особенности процесса формирования и реализации символической политики на постсоветском пространстве: кейсы режимов памяти // Вестник Поволжского института управления. 2024. Т. 24, № 5. С. 31–38. DOI: 10.22394/1682-2358-2024-5-31-38. EDN: CFZMET
14. *Акопьянц А.С.* Современные фальсификации истории Великой Отечественной войны // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования. 2020. № 2 (8). С. 71–78. EDN: RSBZQO
15. *Сулимин А.Н.* Нарративы исторической памяти и их трактовка на постсоветском пространстве // Среднерусский вестник общественных наук. 2025. Т. 20. № 2 (98). С. 24–37. DOI: 10.22394/2071-2367-2025-20-2-24-37. EDN: MAJQXT
16. URL: <https://yandex.ru/video/preview/17281920390669671679>
17. *Краснова К.А., Волкова М.А.* Историческая память о геноциде советского народа в годы Великой Отечественной войны: уголовно-правовой аспект // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 1 (36). С. 98–102. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-10113. EDN: NSFMUP
18. *Гайдай А.Ю., Любарев А.В.* «Ленинопад»: избавление от прошлого как способ конструирования будущего (на материалах Днепропетровска, Запорожья и

Харькова) // Вестник Пермского университета. История. 2025. № 2 (33). С. 28–41. DOI: 10.17072/2219-3111-2016-2-28-41. EDN: WFLSNZ

19. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г., с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

20. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>

21. *Скоробогатов А.В.* Преодоление мнемонического кризиса средствами мемориального законодательства // Кризисы международно-правовой системы и пути их преодоления: история и современность: сборник научных статей Международной научно-практической конференции. СПб: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2024. С. 20–32. EDN: EPEYKS

22. Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения: Указ Президента РФ от 8 мая 2024 г. № 314. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50534>

Сведения об авторе

СУЛИМИН Александр Николаевич,
кандидат политических наук,
доцент кафедры теории и истории права
и государства,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Поволжский институт управления
имени П.А. Столыпина
Саратов, Россия
Kratos84@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-1296-5996>

Статья поступила в редакцию
29.07.2025

Одобрена после рецензирования
30.08.2025

Принята к публикации
20.09.2025

The author

Aleksandr N. SULIMIN,
Candidate of Sciences (Politics),
Docent at the Department of Theory
and History of Law and State,
Russian Presidential Academy
of National Economy and Public
Administration, Povolzhsky Institute
of Management named after P.A. Stolypin
Saratov, Russia
Kratos84@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-1296-5996>

The article was submitted
29.07.2025

Approved after reviewing
30.07.2025

Accepted for publication
20.09.2025